

ТАТЬЯНА НЕКРАСОВА

ЕСЛИ ОДУВАНЧИК МИМОЛЁТНЫЙ...

ГЛЯДЯ СВЕРХУ

пожалеть бы мальчика, да нечем
пожалеть бы девочку, да поздно
это ай болит и время лечит
это ай лю лю и небо звёздно

это всё, с чем жить ещё да жить бы
только нечем, только поздно, только
ай болит ладошку приложите
ай лю лю и в небо а не в койку

и кого жалеть тогда счастливых
и зачем жалеть тогда безмозглых
пьющих свет последнего разлива
скручивающих верёвкой воздух

ЗИМНЕЕ

там на дереве яблоки
пара штук
золотыми щеками неровно светят
между голых веток
иду на стук
на густое гуденье сверхновых этих

в сердцевине в сиянии в янтаре
вне времён и пространств бытия застывших
синева беспощадная январей
и ноябрьская зелень закатных вспышек

звука не было
слово ещё в плену
не умеющих говорить и слышать
к ледяной гудящей щеке прильну
и раскроется вкус чередой вспышек

и возможным станет произнести
да кому да зачем да уже не важно
только западный ветер в груди свистит
зажимая рот мне ладонью влажной

там в тумане яблоки
пара штук
ледяные горькие золотые
тихо светятся прикосновенья ждут
и в густом гудении мы застыли

ОТ ИЗБЫТКА

а мне бы в пару толстого шмеля
гудящего как небо над парижем
в пыльце кушаться время замедлять
и замолкать едва разговорившись

без боя взять растрёпанный пион
и на ночь ото всех отгородиться
благоуханной роскошью его
и жить и быть
и наконец-то сбыться

и думать нет не думать не гадать
лететь как семена под тёплым ветром
а дальше тьма и холод и вода
и свет сквозь пальцы в воздухе нагретом

МАРТ

воздушные смерчи крутят сухие листья
пыльные вальсы холодно и красиво
если бы я знала что всё зависит
лишь от меня где бы тебя носило

кружится лист, катится лист, ложится
быстро и плавно, медленно и рывками
если бы я знала что хватит жизни
что ж она раньше времени истекает

вот и весна в зеркальце мелкой лужи
и одуван первый в зелёной славе
если бы я знала что счастье уже
радости кто бы плакать меня заставил

ОБОСТРЁННОЕ

никто никто не любит винни пуха
всем от него чего-нибудь да надо
уснуть обнявшись потрепать за ухом
пересчитать ступеньки годы взгляды

один за всех ошпки отсырели
я вас любил любовь ещё быть может
жить хочется особенно в апреле
ведь жить и умирать – одно и то же

и если одуванчик мимолётный
взрывается сияет пахнет мёдом
цвести – и есть доступная свобода
и я и я смотрите пчёлы вот он

АПРЕЛЬСКОЕ

дождь и солнце
мокрая сирень
кажется растерянной и рыхлой
как невеста на чужом дворе:

гомон суета неразбериха
ни к чему себя не приложить
и в листве уже не спрятать грозди
шмель и сыт и пьян и еле жив
осы пчёлы родственники гости

кто-нибудь случайный забредёт
внюхается влюбится взглянется
и узнает будто украдёт
прошлого сиреневую птицу

МЕДЛЕННО И ВЕРНО

и потихоньку станешь понимать
так мало так легко так ненадёжно
как только начинающий художник
неровное дыхание письма

ощупываешь взглядом белый лист
ворона шла чуть солнце припекало
снег отразил все тени и лекала
и вот уже откуда ни возмись

само себя рисует и само
задумывает что и где и сколько
души вдохнуть до нежности высокой
тогда дойдёт несрочное письмо

НАСКВОЗЬ

когда лицо лежит в ладони
как яблоко
другой рукой
его разглаживаю
в звоне
сиянии
так далеко

так близко
так неотвратимо
как никогда и как всегда
лежит в руке а смотрит мимо
и узнавания ни следа

ну что же
так и быть
ну что же
катись, румяное, веди
куда-нибудь
сиянье множить
и звон тогда исповедем

тебе приснится
да приснится
вишнёвый сад
сто лет назад
и счастья чистая страница
решай теперь кого вписать

ПОСЛЕ

где-то там полынья
сквозь туман и туман и туман
изумлённое солнце глядит и не видит ни зги
это ты, это я
наш петляющий аэроплан
распадается, наконец, на куски

ты летишь, я лечу
сквозь туман и туман и туман
хорошо что хоть кто-то знает что где когда и зачем
и уж раз оно надо – то сверх ожиданий и чувств
сквозь и туман и туман и туман
оно рядом
и более чем

а нашаришь в тумане –
крошатся края полыньи
и полдневное солнце ударит горячим плечом –
(это всё между нами) – как призрачны крылья мои!
и закатная бронза звенит и звенит ни о чём

СНОВА АВГУСТ

Орех, посаженный вороной,
Щекочет небо пышной кроной,
Всем телом впитывает свет –
И как дышать нам друг без друга? –
От жизни к жизни круг за кругом
Свет приливает к голове.

И снова тьма уходит в пятки
Со светом в салочки и прятки
Играть под сенью тишины:
Нет ни своих, ни посторонних
Среди теней, но глаз вороный
Нас различает – мы смешны.

Но так серьёзны – я ли, ты ли –
Нам кажется, что мы любили,
Да где всё это? нет как нет.
Давно не люди – полугени –
От ветра лёгкого в смятенье
В закатном корчимся огне.

Горящий лист летит с вершины –
Пока мы есть, пока мы живы –
Но катится к ногам орех...
Ворона умыкнёт, конечно,
И даст начало нам, сердечным,
В прозрачной новой коже.

НЕПРИМИРИМОЕ

и места мне – признай! – на полтычка:
живи, как хочешь, признавай, что хочешь –
на деле же не перегнуть сверчка,
и ты – всего цикада среди ночи:

стрекочешь и стрекочешь и стреко...
как будто бы маньяк какой, однако –
всё это разбитное рококо
не стоит жеста, мановенья, знака:

ты есть – я есть,
и это всё равно
тому, что мы с тобой несоразмерны,
как белое сухое (но вино)
и стусок строго выверенной скверны –

и райский сад
безе
и бланманже
воздушное такое отпускное
как белый накрахмаленный манжет
у стен той самой примиримой Трои

мы меримся харизмой – или же
воображе-нием –
спасибо, муза!

и кажется дозрели до уже
непримиримого
как смерть
союза

а где-то всё пред-о-пре-делено
и кажется кому-то неслучайным
как ведьмино судьбы веретено
и случаем разгаданная тайна

ВЧЕРАШНЕЕ

пусть хоть кому-то будет хорошо
и ласково и трепетно и нежно
как будто белый жгучий порошок
ещё не снег в холодной тьме крошечной

как будто я живая и вокруг
всё мнится мне и значит существует
как старый добрый даже милый друг
не чающий застать меня живую

но вот подходит за руку берёт
и всё вокруг становится неважным
и снова он замалчивая врёт
а без него и счастливо и страшно

ЛИЧНОЕ

а иногда я плачу
потому
что никого ни ближе и не дальше
чем чёртгов или божий – но хомуг
убогой фальши

шумит в ушах – я думала: вино,
но нет – всего предчувствие отбоя
(когда вдруг свет, и титры, и кино
закончилось – не то чтобы плохое
но – не моё)
да здравствует ..!
да нет
остаться или выйти – как приспичит
и хочется кому-то мниться мне
кому – не расскажу, но почерк птичий
всё выдаст

и ему не привыкать
нет, не люблю – привязана всего лишь
какой-то строчкой давней дневника
и если ты позволишь (ты позволишь) –

теперь ты
зажигашь
гасишь
ты
какие-то там звёзды
(небо, звёзды)
и проецируешь мои черты
в предгрозовой вибрирующий воздух

а я – не дождь
я – запах, петрикор
ты узнаёшь – ты знаешь – даже слышишь
подушечками пальцев мой укор:
ты мог бы выше!